

ПОЛЕННИЦА

Лет пять как в наши края провели газ. Мужики поднатужились, собрали денжат, понимая неоспоримое удобство, и за одно лето деревня лишилась великой ценности русской – печи.

Кучи ломаного кирпича громоздятся на подворьях. От них тянет золой, топлёным молоком, томлёной гречкой. Иногда пройдёт мужик мимо, кинет взгляд на останки, что угревали его когда-то в холода лютые, угощали борщичком с разварочки, защемит сердечко хозяйское, ан деваться-то уж некуда, дело сделано. Да и жена не нарадуется – ни копоты, ни сажи. Чистота и порядок.

На краю Коноплянок, у самой околицы, коротает восьмой десяток дед Прохор. Раньше, как при силе был, служил он в лесничестве. За лесом присматривал, за зверьём, за птицей. Несговорный был! Отловит в неурочное время охотника – ни за какие коврижки не умолит. Ружьё отберёт, штраф наложит, и не пикни! Но всё по справедливости. За каждого чирка бился, за каждую корявую сосенку. Упрямый – не приведи Господь!

Как надумали трубу газовую вдоль деревни тянуть, тут Прохор снова зафордыбачился. Не могу, мол, с печкой расстаться, и всё тут. Рука, мол, изничтожить не подымается. Так и остался лесовик «не газифицированный» по сей день. Посмотришь на зорьке с крутояра на село: лишь над Прохоровой крышей дымки курятся.

Уж и болезный дед стал, а всё упирается соседа–шофёра сговорить, дровишек подвезти. Сам да сам. На своём престарелом Воронке. Хозяйства он, кроме несушек, не держит: «На кой ляд, коли лес–батюшка сполна кормит». Времени потому – хоть отбавляй. Заготовит загодя топлива и похрапывает на печи, косточки прожаривает.

Встанет летом до солнца, прихватит топорик и с Воронком айда в лес. Тут он - дома: каждую сухостоину помнит. Подвалит возок. Выедет на опушку, остановится передохнуть. «А куды гнать-то?» Распряжёт попастись конягу. «Нехай травкой лесной поддержится». А сам издалечь на деревню любит.

Выплывает солнышко, будто газовый шарик Алёнки, соседовой внучки, зависает над Лёхиной хатой, зажигает зелёное полымя в Савельевой роще. Избы только-только просыпаются. Изредка икнёт робкий кочеток, гамкнет, засыпая, наблудившаяся за ночь псинка. Улочки тихие-тихие, чуть розоватые спросонья, покойные, отдохнувшие.

Конёк похрумкивает, клеверок в самую силу вошёл. Дед приваливается на сенную охапку, лежит-дожидается, когда калитка первая очнётся, когда у Маринкиной хаты бадья в колодце ахнет. Не хочется ему будить тележным скрипом додрёмывающую деревеньку.

Надышится старик родимым лесным духом, пощуняет пустозвонку-кукушку, что, заприметив его, без умолку битый час старается. Хлебнёт водицы из алюминиевой кружки (года два назад повесил на разлапистый

крушинник у родника). Напоит из картуза Воронка (избаловал когда-то, теперь и отучать не к чему) и с Божьей помощью - до хаты.

В дальнем углу придворка у Прохора пристроены козлы. Жизнь, проведённая в лесу, наловчила деда обходиться без помощников. Перепилит он в одиночку на двуручке сваленный посередь двора сухостой, поколет на поленья. Для такого дела имеется в хозяйстве огромный дубовый пень. Помашет дед тупорылым колуном, а уж потом пустит в ход лёгонький топорик. Им заниматься – что в игрушки баловать.

Переносит лесник дровишки охапками под сарай да в поленницу сложит. Подворье у Прохора старое, ветхое, дождями промытое, серое да мшистое.

К вечеру умается дед, присядет на крылечные порожки, смотрит: а дровишки в сумерках желтеют, свет от них мягонький лучится. И почудится старику: поленница - не поленница вовсе, а распахнутая дверь в хату. Тепло и уютно станет старику на душе. Выйдет он нарочно за калитку, снова вернётся к своему бобыльскому двору, и кажется, будто кто-то его встречает – двери настезь.

С холодами натаскает Прохор дровишек в хату, просушит в печурке загодя, разведёт огонь. Заструятся в небо из трубы над его крышей белые дымы. Потянет печным теплом. И отгадет одинокая стариковская душенька. Не может он объяснить ни себе, ни людям, почему так дорог ему берёзовый дух, отблески пылающих поленьев на стенах его полужилой хаты. Только знает Прохор наверняка, что без леса, без поленьев этих смолистых, без ласкового мерцания малиновых угольёв, без предрассветных поездок на уставшем от жизни, как и он сам, коняге за сушняком, без опушки, с которой деревня как на ладони, – и жизнь ему не жизнь.

Подсядет дед к огню, протянет заскорузлые, корявистые ладони, обогреет. Щёлкнет-треснет уголёк, а Прохору будто выстрел в глуши лесной почудится. Прислушается: лист в осиннике шелестит, дятел в соснячке дробью сыплет.

Бушует январская вьюжина, вертушок в сенцах срывает, лютым зверем-ветрищем воротинами лязгает, а в каморке Прохора-лесника самовар на можжевеловых веточках гулит. Мёдом диким да черёмуховыми почками пахнет.

Светлые воспоминания да возок другой дровишек поддерживают тепло в одинокой Прохоровой хате и в незачерствевшей старческой душе. А недавно объявилась нежданная радость на его пороге. Зачастили односельчане к нему на огонёк. То от радикулита на печи его спасаются, то холодец, оказывается, не такой духовитый на плите газовой стряпается, а то напросятся просто так, посидеть за чайком, подбросить в печку своими руками парочку полешек.

Видать, и впрямь светится в ночи его поленница, словно распахнутая дверь. А Прохор и рад теплом поделиться.